

Ноймайер Джон

МЫ СПИМ И ВИДИМ «СОН»

Неделя мая - 2004 - 24 фек. -
e. 12

Новый балет Большого театра пробудил дремлющий артистизм труппы

Майя Крылова

Джон Ноймайер, безусловно, нужен ГАБТу. Но и театр пригодится Ноймайеру. Вписаться в историю знаменитого «рашн балле» неплохо и для главы Гамбургского балета, называемого живым классиком. А непривычный танцевальный стиль может помочь Большому балету выйти на новый виток. В конце концов Ноймайер выбрал для Москвы именно игровой «Сон в летнюю ночь», а не что-то иное из своих 130 постановок, потому что балетная труппа ГАБТа для него – коллектив, потенциально способный создать «актерский ансамбль с яркими сценическими характерами». Впрочем, эти качества надо еще в артистах пробудить. Ноймайеровский балет для этого подходит: в партиях – спектр эмоций, кордебалет попеременно играет то в придворных, то в эльфов, а по спектаклю рассыпана пантомима (любимое нашей публикой «чтобы было понятно») – картинно читают письма, от избытка чувств прижимают руки к груди, по военному отдают честь и сердито брыкаются в объятиях навязчивых, но нежеланных любовников.

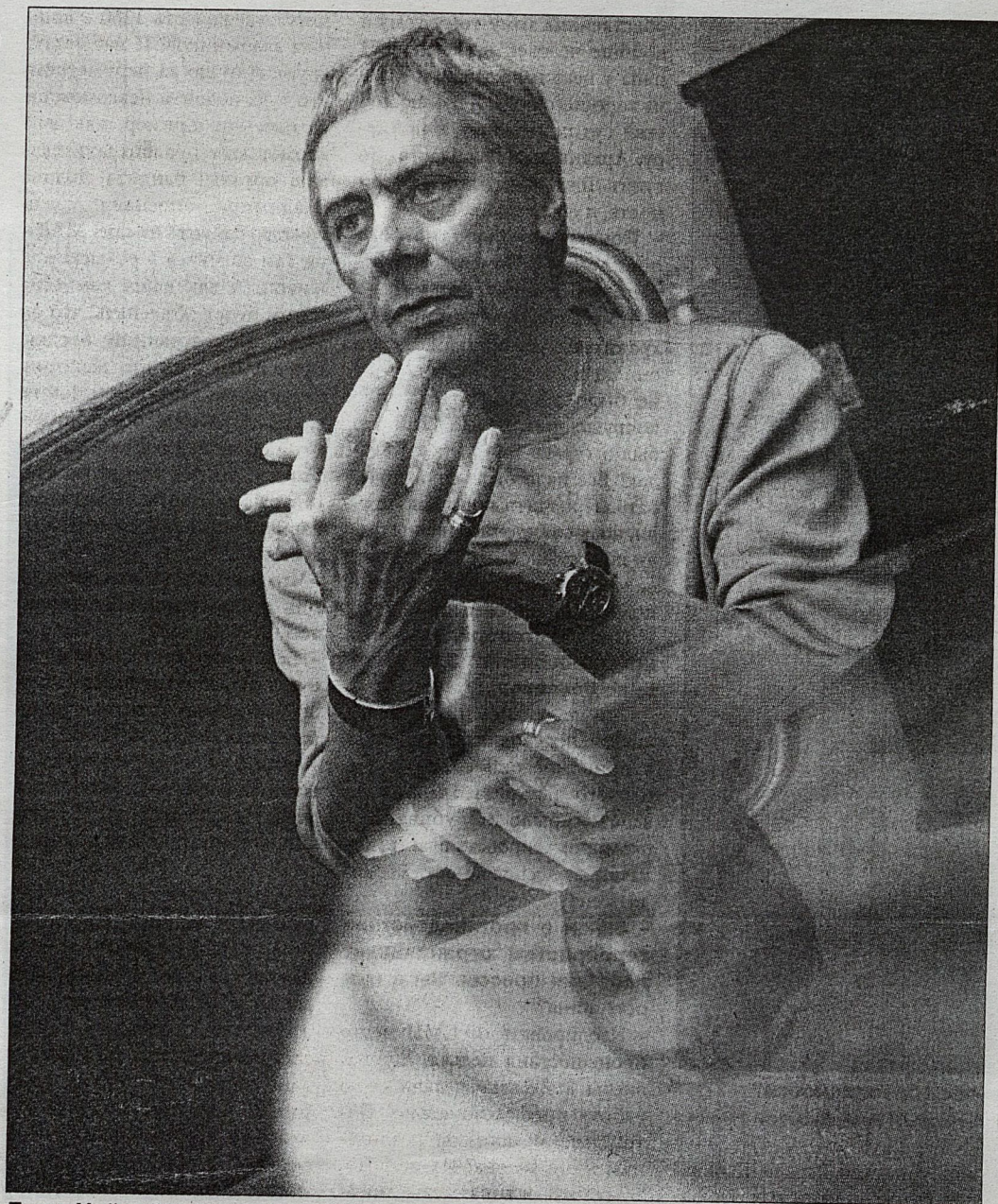
Балет, сочиненный почти тридцать лет назад, уже сокращался автором, но все равно длинноват, потому что обстоятельный Ноймайер (бакалавр английской литературы по первому образованию) дорожит каждым драматургическим штрихом и постоянно жаждет

развить детали в нечто большее. Иной раз кажется, что перед нами танцевальная диссертация на тему «Система смыслов в комедии Шекспира», написанная по принципу «с одной стороны – ... но с другой стороны – ...» Повествовательная линия хореографом описана как разновидность любви – от дворцовой торжественности сдержанных аристократов к «марсианским хроникам» потусторонних существ (Ноймайер обыгрывает, как вре-

мя у эльфов движется с иной скоростью, чем у людей, а пространство обитания фэйри – скорее мечта о космосе, чем лес). Далее – суматошная эротическая неразбериха двух пар влюбленных и развенчание патетики в «Пираме и Фисбе», когда простонародье на потеху дворянам играет в «высокие чувства». Сценография изображает до дворец (вполне условный) под музыку Мендельсона, то лунно-серебря-

ные цвета зарослей на лесной поляне в атмосфере «электронных» вздохов музыки неклассического Лигети. Костюмы меняются от житейских одежд начала XIX века к бесполом белым трико лесных обитателей. Танцевальная сторона – насыщенная «заворотами» верхних поддержек классика обитателей дворца, гимнастические упражнения жителей леса (вплоть до скручиваний в бараний рог и «мости-

ков») и пародийно сниженный, с цитатами из балетных хитов «академизм ремесленников». И все время – сложные комбинации, требующие нешуточной телесной координации. При этом многие музыкальные номера исполнителям нужно считать, чтобы не выпасть из ноймайеровских быстрых темпов (темпы – вечный кошмар российских танцовщиков, давший о себе знать и в нынешнем исполнении).

Джон Ноймайер нужен Большому, но и Большой нужен Ноймайеру.

Фото Артема Чернова (НГ-фото)

Воссоздать стиль Ноймайера для ГАБТа – это отбросить привычку к небрежной импровизации в мизансценах. Хореограф, регулярно устраивающий в спектакле параллельность действия с разными персонажами, действующими с разной скоростью, требует известного театрального парадокса: артисты строжайше контролируют эмоции, но публике все покажется спонтанным. К тому же происходящее в лесу у Ноймайера – лишь сон Ипполиты, а значит, в ходу не только все законы балетных сновидений, наработанные еще Петипа, но к классическому «отстранению» сна от яви должен добавиться взгляд современника, чуть одобренный фрейдизмом.

Из четырех составов, репетировавших балет, к премьере с трудом насребрили один – труппу замучили простуды и травмы. На партию Лизандра и вообще не нашлось кандидата, эту роль исполнил солист Гамбургского балета Иван Урбан. Наши танцовщики постарались вникнуть в манеру Ноймайера, хотя не все получилось: местами было похоже на первый акт «Жизели». Но компания ткача Основы – Рыло, Дудка, Миляга и Заморыш – точно дозировала юмор, вечно квелиый в классических спектаклях Владимир Непорожний (Деметрий) вдруг вспомнил, что он артист, Нина Капцова (Елена) «с перчиком» проявила характер очкастой «тихони», работа Яна Годовского (Пак) убедила скептиков (если таковые имелись), что Годовский хорошо умеет не только танцевать «бессюжетного» Балланчина, но и представлять сюжетного Ноймайера. А звездная пара Николай Цискаридзе (Тезей и Оберон) – Светлана Захарова (Ипполита и Титания) попала в самую точку: стать безукоризненным герцогом Цискаридзе мешала лишь не до конца восстановленная после травмы нога, а захаровский танец со «льдинкой» идеально лег на «эльфийскую» хореографию Ноймайера. ■